УДК 81'27 Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2024. Т. 21. Вып. 4

Молодыченко Евгений Николаевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
https://orcid.org/0000-0003-4852-6741
e.molodychenko@outlook.com

Текст в контексте: принципы и направления исследования языковых и речевых феноменов в социальных и профессиональных практиках

Для цитирования: Молодыченко Е. Н. Текст в контексте: принципы и направления исследования языковых и речевых феноменов в социальных и профессиональных практиках. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (4): 901–918.
https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.408

Статья посвящена рассмотрению различных подходов к изучению взаимосвязей между текстом и его контекстом. Основное внимание уделяется сложности и динамичности этой взаимосвязи, что подчеркивается особой ролью контекста в процессе создания, восприятия и интерпретации текста реальными коммуникантами. В качестве ключевого способа операционализации контекста с целью исследования языковых/речевых феноменов позиционируется рассмотрение текста как компонента практик, где тексты могут играть роль одного из способов реализации и/или способа осмысления — «рефлексии» — этой практики или же способа осмысления некоторой иной — условно отдельной — практики. В рамках статьи обсуждаются и сравниваются разнообразные теоретические и методологические традиции, так или иначе обращающиеся к практике использования языковых/речевых феноменов реальными коммуникантами, включая критический дискурс-анализ, жанроведение, лингвистическую антропологию и медиаисследования. Представленный обзор позволяет выделить как минимум два вида практик — наиболее общие и часто весьма абстрактные социальные практики и более конкретные профессиональные практики, а также выделить два вида контекстов — контекст коммуникативной ситуации и контекст культуры, между которыми можно расположить некоторые виды социальных или профессиональных практик. Представленный обзор также позволяет подчеркнуть важность междисциплинарного подхода в изучении языковых/речевых феноменов в контексте. Одним из выводов из анализа подходов, реализуемых в рамках различных дисциплин, является также то, что контекст не только служит пассивным «фоном» для текста, но и активно участвует в его формировании и определении его смысла или — иначе — «эффекта». Данная идея традиционно рассматривается в рамках и в связи с понятием контекстуализации. В заключении подчеркивается потребность в дальнейших (междисциплинарных) исследованиях для более полного осмысления сложных процессов, связанных с текстом и его контекстуальной обусловленностью.

Ключевые слова: текст, дискурс, контекст, контекстуализация, дискурс-анализ.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Введение

Изучение лингвистических явлений с позиции актуальных концепций и с использованием актуального инструментария требует рассмотрения вклада выдающихся исследователей, чьи работы определили направления развития данной науки. Сергей Трофимович Нефёдов, являясь одним из таких исследователей, оказал значительное влияние на теоретические и методологические основы лингвистики. Его работы, охватывающие широкий спектр языковых феноменов и связанных с ними социальных аспектов, являются ярким примером интеграции различных исследовательских подходов и методов. Как отмечает сам Нефёдов, «современный лингвистический анализ оперирует многомерными категориями и понятиями» [Нефёдов 2019: 13], что наглядно демонстрируется в его исследованиях.

Как отмечают и другие авторы, чьи статьи вошли в данный выпуск, Нефёдов искусно сочетал внимание к исследованию языковых феноменов в рамках конкретного языка (при этом сохраняя акценты на функциональном и «дискурсном»[1] аспектах; см., напр.: [Нефёдов 2018б; Нефёдов, Кондратенко 2023]) с анализом путей развития современной лингвистики в, пожалуй, одном из наиболее сложных ее аспектов — рассмотрении роли контекста в анализе языковых и речевых феноменов вообще (см., напр.: [Нефёдов, Чернявская 2020]) и специфики актуализации так называемых индексальных/социальных значений языковыми и речевыми единицами в частности [Chernyavskaya, Nefedov 2021].

Настоящая статья является попыткой развития идей, разрабатывавшихся Сергеем Трофимовичем и его коллегами, в первую очередь в связи с именно такой проблематикой — проблематикой операционализации контекста в дискурсивном исследовании — и дальнейшего обсуждения статуса текста и дискурса, исходя из существующих традиций дискурсивного анализа (см.: [Нефёдов 2018а]).

Постановка проблемы

На сегодняшний день, как представляется, можно констатировать два факта. Во-первых, любые рассуждения на тему дискурса и/или дихотомии «текст — дискурс» неминуемо предполагают рассуждения на тему (операционализации) контекста [Нефёдов, Чернявская 2020]. Во-вторых, операционализация контекста в лингвистических и «окололингвистических» исследованиях является одной из приоритетных и — одновременно — одной из самых сложных задач.

Как известно, наиболее распространенной дефиницией дискурса остается представление о дискурсе как (условно) отдельном тексте, «погруженном» в контекст («погруженном в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137]). Такая интерпретация в свою очередь порождает как минимум два варианта понимания того, что есть текст и что есть дискурс.

Первое понимание позиционирует дискурс как особый **ракурс** рассмотрения текста, при котором в фокус внимания исследователя помимо собственно речевой структуры попадает (в различной степени) и **коммуникативный процесс**, «приводящий к образованию… структуры» [Чернявская 2009: 135] (что иллюстрирует то, что мы бы предложили назвать генеративным аспектом такого «дискурсного» под-

[1] Пояснение данного термина приводится ниже.

хода), и/или процесс ее **восприятия** особым образом реципиентом, приводящий к формированию некоторой (когнитивной) репрезентации (что иллюстрирует то, что мы бы предложили назвать рецептивным аспектом). Сюда же следует добавить и широкий круг элементов «экстралингвистического фона» [Чернявская 2009: 135], для которых может быть продемонстрировано, что они в той или иной связи (пред) определяют специфику формулирования и/или восприятия такой структуры (то, что мы бы предложили назвать социокультурным аспектом).

Еще один способ интерпретации дихотомии «текст — дискурс» (и — соответственно — способ дефиниции этих двух явлений) — рассмотрение текста и дискурса как двух **«состояний» существования** одного и того же феномена. Такое понимание, как представляется, не нашедшее широкого распространения в отечественных разработках, также принципиально опирается на операционализацию контекста.

Другим исследовательским вектором является определение и аналитическое очерчивание границ дискурса по границам определенной (социальной) практики. В таком случае под дискурсом или дискурсивной практикой понимается **речевой компонент** некоторой (социальной) **практики** или — иначе — совокупность текстов, репрезентирующая данную практику. Как мы видим, в данном случае также вполне очевидна роль контекста как в определении дискурса (и — косвенно — текста), так и в его изучении.

Есть, однако, и еще одно возможное понимание дискурса — «дискурс-репрезентация», под которой понимается **специфический способ речевого отражения и/или конструирования социальной реальности** под определенным углом зрения. Такое специфическое понимание ведет свое начало от трудов М. Фуко, французской школы дискурсивного анализа [Квадратура смысла] и теории Э. Лаклау и Ш. Муфф (см.: [Laclau, Mouffe 2001]). Очевидно, что «социальная реальность» и «угол зрения» в данном случает также являются скорее факторами контекста.

Как видно из обзора, в случае с дискурсом мы наблюдаем интерпретации и вытекающие из них (или востребуемые ими) методы анализа, располагающиеся в диапазоне от изучения языковых и речевых явлений «с оглядкой на» некоторый контекст (например, дискурс как «ракурс») до изучения собственно контекста, так сказать, «на материале» речевых/языковых явлений (как, например, во французской школе дискурсивного анализа). Следует также констатировать и то, что любые «дискурсные» (под которыми мы в данном случае будем иметь в виду исследования с какой-то мерой операционализации контекстуальных факторов) подходы изучения языковых/речевых феноменов могут опираться на теорию и методы совершенно различных направлений, в том числе и дискурсивных — таких, которые больше «сосредоточены» на собственно контексте (вроде французской школы дискурсивного анализа, см.: [Нефёдов 2018а]) — и вовсе нелингвистических (вроде медиаисследований; см. ниже).

Целями настоящей статьи являются рассмотрение нескольких направлений, отражающих различные варианты такого «дискурсного» подхода к изучению языковых и речевых явлений; акцентирование тех идей и методов, которые могут быть «позаимствованы» из этих направлений и интегрированы в единый более или менее стандартный инструментарий дискурс-анализа; одновременная демонстрация приоритетности как дефиниции, так и исследования контекста как **реальной практики использования языковых ресурсов и речи** с особым фокусом на прак-

тике производства и потребления текстов коммуникантами в конкретных коммуникативных ситуациях. Такой фокус также, далее, позволит сформулировать еще один — заявленный выше — вариант интерпретации дихотомии «текст — дискурс», как правило, не обсуждаемый в отечественных работах.

Текст в контексте практики

Отправной точкой рассуждений о дискурсе как тексте в контексте можно считать рассмотрение текста как одного из компонентов социальной или профессиональной практики[2]. При этом выбор практики или каких-то ее элементов как (дополнительного) объекта (изначально) текстоориентированного исследования будет, по нашему мнению, являться операционализацией контекста par excellence.

Сформулируем здесь кратко несколько тезисов, принципиальных для последующих рассуждений, относительно места текста в практике.

Практики можно рассматривать как явления различной масштабности — от достаточно «объемных» и комплексных (например, практика проведения университетского занятия) до достаточно «дробных», как, например, включение проектора, использование маркера для написания чего-либо на доске, ответа на вопрос студента и прочих подобных «единичных, узнаваемых, повторяющихся действий»[3] («single, recognizable, repeatable action» [Scollon, Scollon 2004: 13]).

Важным тезисом также является идея соотношения речевого и неречевого, или, так сказать, «количества» речевого компонента в практике. Даже обыденное наблюдение демонстрирует, что существуют практики с диаметрально противоположным «содержанием» речевого и неречевого. Примером преимущественно речевой (или — в терминологии дискурс-анализа — «дискурсивной») практики может являться лекция. Примером преимущественно неречевой («недискурсивной», в терминологии дискурс-анализа) — игра в футбол (сама практика игры на поле).

Речевой компонент, далее, фигурирует в практиках в двух «ипостасях» — как один из способов реализации данной практики и как ее (или иной практики) рефлексивное измерение. Рефлексивное измерение практики представляет собой теоретическое или, так сказать, «околотеоретическое» осмысление данной практики (или иной практики) и ее компонентов. Например, практика приготовления пищи является преимущественно неречевой, т. е. речевой элемент, как правило, не является в ней главной составляющей. Роль этого элемента может возрастать, если, скажем, приготовлением занимаются несколько человек и важной частью этого процесса является обсуждение того, что и как они делают. С другой стороны, практика приготовления пищи имеет и теоретическое — рефлексивное — измерение, представленное, например, книгами, статьями и прочими семиотическими ресурсами, где описываются и обсуждаются рецепты, польза или вред тех или иных блюд и другие подобные вопросы.

Исходя из этого, взгляд на **текст как дискурс** — по крайней мере в теории — может означать, что помимо анализа текста используются инструменты анализа практики, которую он рефлексирует, и/или практики, компонентом которой текст

[2] Ср. в этой связи высказывание С. Т. Нефёдова: «… язык — это не изолированная система “в себе и для себя” (Ф. де Соссюр), а естественная часть социальных практик» [Нефёдов 2018б: 109].

[3] Здесь и далее перевод автора настоящей статьи.

является и в которой он используется как один из инструментов ее реализации. Такие представления можно рассмотреть как общую основу (не всегда однако формально формулируемую) нескольких традиций анализа языковых/речевых феноменов (включая собственно тексты), а также некоторых нелингвистических (или «окололингвистических») традиций, так или иначе занимающихся изучением коммуникации или обращающихся к коммуникации в той или иной связи.

Несмотря на то что *рефлексирует* и *используется* не являются в строгом смысле синонимами **контекста культуры и контекста коммуникативной ситуации**, можно наблюдать, что исследования текста/дискурса по линии рефлексии делают акцент на достаточно широком контексте «возникновения» некоторого текста[4], а исследования по линии использования (по крайней мере в тенденции) стремятся к операционализации контекста ситуации. Исследования второго типа, как представляется, являются более сложными в реализации, но вместе с тем и более интересными. Обсудим далее несколько исследовательских традиций подобного толка.

Изучение текста в контексте: направления и подходы

Критический дискурс-анализ и контекст культуры

«Дискурсный» (в предложенном ранее толковании) взгляд на тексты иллюстрируется в первую очередь так называемым критическим дискурс-анализом[5]. «Дискурсность» исследований данного направления обусловлена преимущественно анализом текста в его рефлексирующем свойстве с операционализацией «социальных практик» и контекста культуры. Однако некоторые работы иллюстрируют и иной тип «дискурсности» — изучение того, как текст является инструментом реализации некоторой практики, или того, как тексты производятся в некоторой практике.

Примером подобного исследования может быть разбираемая Н. Фэрклафом и Л. Хулиараки [Chouliaraki, Fairclough 1999] работа [Iedema 1997], где автор реализует «дискурс-ориентированное исследование возведения пристройки к существующей психиатрической больнице». Как отмечают далее Фэрклаф и Хулиараки, автору работы

> удалось отследить, каким образом осуществлялся «переход» внутри и между различными компонентами деятельности и между различными семиотическими системами в конкретных временных периодах — от диалога к письменным документам к архитектурным чертежам и обратно, от дискурса к материальным действиям, включающим строительство, и обратно [Chouliaraki, Fairclough 1999: 51].

---

[4] Одними из наиболее ярких примеров здесь являются исследования политического дискурса.

[5] Критический дискурс-анализ, как его определяет Нефёдов (см.: [Нефёдов 2018a]), фокусируется на исследовании социально значимых проблем под критическим углом зрения. В этом подходе Нефёдов акцентирует важность изучения стратегий аргументации, а также подчеркивает, что анализ **выходит за рамки чисто лингвистических форм и обращается к содержательным аспектам**. Язык, по словам Нефёдова, рассматривается в данном контексте как ресурс власти, который способствует доминированию одних групп субъектов над другими.

Еще одним примером исследования производства текстов в конкретной практике может быть работа Р. Водак [Wodak 2009], посвященная изучению «производства политики» в Европейском парламенте. Среди прочего автор пытается прояснить механизмы производства официальных политических текстов[6] путем изучения того, что происходит, так сказать, «за кулисами» — в каждодневной практике обсуждения и принятия политических решений депутатами Европейского парламента. Проекты такого типа, конечно же, требуют использования методов «полевого исследования» и этнографии[7] и — при условии надлежащей реализации — иллюстрируют ориентированность на реальную практику использования речи часто именно в контексте конкретных коммуникативных событий.

Жанроведение и контекст профессиональной практики

Еще одна иллюстрация «дискурсности» в предложенном ранее рабочем понимании — исследования в области жанроведения. Данный тезис вновь находит подтверждение в работах Нефёдова. Так, анализируя жанр «научной рецензии по германистике», Нефёдов подчеркивает, что анализ жанра «требует углубленного рассмотрения параметров **самой коммуникативной ситуации** экспертного оценивания», а также, что анализ жанра должен представлять собой «**контекстно-соотнесенный анализ** лексического наполнения и грамматических структур… текста (выделено нами. — *Е. М.*)» [Нефёдов 2018б: 106].

В наиболее явном и, так сказать, «воинствующем» виде дискурсность жанроведения была, как представляется, заявлена в так называемом «критическом анализе жанров», ассоциируемом в первую очередь с В. Батиа. Основные положения критического анализа жанров, сформулированные Батиа [Bhatia 2015], сводятся к следующему. Во-первых, вместо социальной практики (со всеми проблемами ее определения и определения ее границ) предлагается исследовать **профессиональную практику** и, далее, «локализовать» ее в контексте профессиональной культуры (но не в контексте культуры вообще!). Во-вторых, помимо анализа конкретных экземпляров жанров предлагается сконцентрироваться на а) понимании общих конвенций использования языка, «дающих на выходе» подобные экземпляры, и б) анализе конкретной практики использования речи («дискурса», в терминологии Батиа) профессионалами (т. е. порождения и потребления текстов)[8]. В-третьих, подобное исследование также требует расширения инструментария и включения в него этнографических методов.

Интересно отметить, что, определяя отличие критического анализа жанров от «традиционных» жанроведческих подходов, Батиа указывает, что задача данного — нового, по его словам, — направления — сместить фокус с анализа «текстовых артефактов» на исследования профессиональной **практики** и профессиональной

---

[6] Транслируемых через медиа и таким образом становящихся доступными широкой общественности.

[7] Ср.: «The study always incorporates fieldwork and ethnography to explore the object under investigation (study from the inside) as a precondition for any further analysis and theorizing» [Wodak 2001: 69].

[8] Решение таких задач в свою очередь будет предполагать в том числе и исследование причин и принципов возникновения множественных интерпретаций одного и того же текста и/или коммуникативных задач, приписываемых разными субъектами, одному и тому же жанру.

культуры. Иными словами, задача критического анализа жанров — идти в операционализации контекста «дальше», чем традиционные направления жанроведения.

Заметим, что на недостаточную операционализацию контекста «жаловался» в частности сам Дж. Суэйлз, называя (на момент формулирования этого замечания в 1993 г.) способ операционализации контекста «чисто символическим намеком на его важность»[9]. Заметим, однако, и то, что так называемая школа риторико-лингвистического жанроведения[10] (ассоциируемая со Суэйлзом), по нашему мнению, всегда была «дискурсной»[11]. Одной из иллюстраций такого положения может служить исследование самого Суэйлза, где он демонстрирует разные «отношения» с одним и тем же жанром — корпоративной миссией — среди разных групп профессионалов (см.: [Swales, Rogers 1995]). Явной «дискурсностью» в предложенном ранее понимании характеризуются и более поздние работы Суэйлза и соавторов[12] (см., напр.: [Moreno, Swales 2018]).

Лингвистическая антропология и контекст коммуникативной ситуации

Подобные установки на изучение практики, конечно же, существовали и до появления и оформления в самостоятельные дисциплины критического дискурс-анализа[13] и «зрелых» направлений жанроведения. Действительно, одним из наиболее устоявшихся направлений исследования языковых/речевых феноменов в **практике их использования** следует считать (американскую) лингвистическую антропологию (см. подробнее: [Blommaert 2005]). К исследованиям в области лингвистической антропологии также примыкают исследования в области социолингвистики (хотя ставить между ними знак «равно» было бы, наверное, неправильно; см.: [Молодыченко, Чернявская 2022]).

При этом история развития социолингвистики может быть использована для иллюстрации движения от операционализации (более эфемерного) контекста культуры к большему акценту на (более конкретных) практиках и контекстах коммуникативной ситуации.

Как известно, один вариант ретроспективного рассмотрения эволюции социолингвистики был предложен П. Экерт [Eckert 2012], представившей ее в виде трех последовательно сменивших друг дуга «волн». Первая волна социолингвистических исследований сейчас как правило фигурирует в дискуссиях под ярлыком «вариационная социолингвистика» (variationist sociolinguistics). Анализ в рамках вариационной социолингвистики был «заякорен» в **широком социальном контексте**: наблюдаемая и регистрируемая фонетическая вариативность связывалась с **макросоциальными категориями**: социоэкономическим классом, возрастом,

[9] Ср.: «…when we deal with individual texts (or clusters of them) we ignore investigating context of situation and context of culture at some peril; and I mean investigating rather than some tokenist nod in the direction of its relevance» [Swales 1993: 691].

[10] Ср.: «Rhetorical-Linguistic Genre Studies» [Devitt 2015].

[11] Возможно, просто не в той степени, к которой призывает Батиа.

[12] Например, в той части, где авторы статьи интервьюируют авторов анализируемых ими научных текстов относительно их мотивации использования тех или иных коммуникативных ходов и шагов.

[13] Включая даже его «предтечу» — критическую лингвистику.

гендером и этнической принадлежностью, которые рассматривались как, так сказать, социологическая данность (см., напр.: [Coupland 2007: 32–53]).

Вторая волна в социолингвистике принесла с собой использование этнографических методов анализа **связей между лингвистическими и контекстными переменными**. Как отмечают В. Е. Чернявская и Е. Н. Молодыченко,

> [и]сследователи переходили в анализе от макросоциальных категорий к локальным языковым сообществам в масштабе региона, города, изучая диалекты, урбанолекты, и далее в еще меньших масштабах, переходили к анализу языковых сообществ на уровне социальной институции, малой социальной группы — семьи и т. п. [Молодыченко, Чернявская 2022: 106].

Третья волна отразила интерес к **процессам конструирования** идентичности в конкретных практиках — к так называемым процессам «стилизации» (см.: [Молодыченко 2022a]), что, как представляется, и является одним из возможных примеров «дискурсности» с фокусом на реальной практике использования языковых ресурсов и речи и с более выраженным фокусом на контексте коммуникативной ситуации.

Смещение акцента на использование языка/речи в реальной практике и реальных контекстах коммуникативной ситуации иллюстрируется также так называемыми исследованиями «перформанса» в лингвистической антропологии — исследованиями производства текстов в коммуникативных контекстах особого рода, близких к «сценическим»[14], когда автор продуцирует текст для специально собравшейся для этого аудитории.

Полезность такого подхода для целей осмысления статуса текста в контексте и операционализации контекста объясняется как минимум двумя фактами. Во-первых, тем, что подобные «перформансы» являются лишь **крайним случаем производства и потребления текстов** и некоторые особенности «перформансов» (изученные и описанные в работах по фольклору и лингвистической антропологии) могут и должны быть экстраполированы на функционирование текстов вообще, в иных практиках и контекстах. Во-вторых, тем, что подобные подходы, как отмечает, У. Хэнкс, помогли сделать первичным объектом текстового анализа не лингвистическую форму, а актуализацию формы в ее «предъявлении» некоторой аудитории («the actualization of form in a public display» [Hanks 1989: 111]) — то, что в данном направлении исследований также именуется дискурсом (см. о таком понимании дискурса ниже).

Подобные исследования максимально приблизились к операционализации **контекста коммуникативной ситуации** и сосредоточили внимание на изучении реальной **практики производства и потребления текстов**. Как вновь отмечает Хэнкс, в исследованиях «перформанса» среди прочего изучается то, как в производстве дискурса (см. ниже) участвует поза, дыхание, взгляд и прочие телесные проявления, то, как альтернативные исполнения одного и того же текста в зависимости от контекста порождают иной дискурс, и то, как осуществляется инкорпорирование определенной аудитории и ее потенциальных ответных реакций в ткань текста. В подобных исследованиях акцентируется важность места «исполняемого»

[14] Или фактически и являющихся сценическими.

текста в системе культуры и системе языка, а также важность специфических систем транскрипции, необходимых исследователю для фиксации всего диапазона феноменов, описанных выше, участвующих в производстве дискурса, но не обязательно зафиксированных собственно в тексте [Hanks 1989: 112].

Такие феномены (поза, жесты и т. п.) следует рассматривать как компоненты (процесса) **контекстуализации**, также теоретически осмысленной и изученной в первую очередь в работах по лингвистической антропологии и социолингвистике. Под контекстуализацией здесь понимается процесс «заякоривания» (или «центрирования» — в терминологии, используемой в лингвистической антропологии) конкретного текстового экземпляра в уникальном контексте его производства и/или потребления [Auer 1992; Silverstein 1992]. В процессе контекстуализации текст как совокупность всех потенциальных смыслов, которые он вообще может иметь, «(ре)центрируется», что приводит к (относительной) фиксации семантики и прагматики данного текста для конкретного реципиента / группы реципиентов в данном конкретном коммуникативном контексте (можно также сказать, что текст становится дискурсом).

Контекстуализация есть естественный (то, что «происходит» с текстом, когда он превращается в дискурс), динамический и чрезвычайно комплексный процесс, могущий вовлекать бесконечное количество переменных контекста. Для даже поверхностной иллюстрации такой комплексности может быть достаточно двух исследований — Дж. Гамперца, описавшего использование так называемых контекстуализирующих сигналов (подробнее см.: [Auer 1992]), и кратко рассматриваемого ниже исследования А. Сисерела [Cicourel 1987], предпринявшего попытку демонстрации того, какую контекстуализирующую «работу» могут (потенциально) проводить коммуниканты с целью контекстуализации некоторого текста.

Термин «контекстуализация» (в отличие от термина «контекст») акцентирует динамический и процессуальный характер называемого явления. При использовании термина «контекстуализация» подчеркивается, что для фактических коммуникантов контекст не является «монолитным и однонаправленным» («monolithic and unidirectional» [Auer 1992: 21]), но гибким и подвижным во времени: то, что актуально для контекстуализации в одной фазе дискурса, может перестать быть актуально или изменить смысл в следующей фазе этого же дискурса[15], изменяя роль некоторого параметра контекста и/или вовлекая в интерпретацию новый(е) параметр(ы).

Обсуждение «перформанса» и контекстуализации подводят нас к рассмотрению еще одного возможного понимания дихотомии текст/дискурс (не ставшего, как представляется, популярным в русскоязычной традиции). Под текстом в этом случае будет пониматься **продукт процесса, противоположного контекстуализации,** или — иначе — продукт процесса **превращения в текст**.

Превращение в текст — это (искусственное) отделение речевой (или семиотической) составляющей от целостного коммуникативного процесса, где текст производится и потребляется (т. е. от дискурса), путем «обрыва» существующих в таком процессе индексальных (см.: [Молодыченко, Чернявская 2022; Chernyavskaya, Nefedov 2021]) связей с реальным контекстом (т. е. путем деконтекстуализации).

[15] Как реально развертывающегося в некотором контексте текста.

Такое отделение приводит к превращению фактической (возможной только при контекстуализации, т. е. в форме дискурса) семантики и прагматики текста в потенциальную семантику и прагматику[16]. Процесс превращения в текст (особенно в исследовательских целях) может приводить (и часто приводит) к, так сказать, насильственному очерчиванию рамок вокруг того, что изначально было дискурсом (поскольку текст в отличие от дискурса должен где-то начинаться и где-то кончаться[17]).

Существует, как нам кажется, два пути превращения дискурса в текст — виртуальный и фактический. Виртуальное превращение в текст имеет место в случае искусственного отделения речевой составляющей от дискурса и, по-видимому, может реализовываться лишь в виде ментальной операции. При фактическом превращении в текст всегда требуется какая-то технология опосредования (mediation). В частности, поэтому, как представляется, Фэрклаф и Хулиараки отмечают, что тексты производятся только в опосредованной[18] коммуникации, но не в прямой (face-to-face interaction); мы же добавим, что в прямой коммуникации как раз и существует виртуальный текст.

Заметим, что, если рассматривать дихотомию текст/дискурс обозначенным образом, не вызывает сомнений, что прототипическим или даже «истинным» текстом должно неминуемо было стать только «некое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений… и характеризуемое своими дистинктивными признаками» [Гальперин 2006: 20] (ср. также: [Тураева 1986: 11]). Прототипичность таких текстов объясняется тем фактом, что они изначально и целенаправленно продуцируются «в одном контексте с целью потребления в другом» («designed in one context with a view to its uptake in others» [Chouliaraki, Fairclough 1999: 45]) и «для того, чтобы быть легко отделимыми от контекста ситуации» («fashioned for ease of detachment from situational context» [Bauman, Briggs 1990: 74]). Думается, что литературное произведение в данном случае является хорошим примером, поскольку создается автором, чтобы быть максимально «незаякоренным» в непосредственном контексте своего производства (но не обязательно в контексте культуры!) и консервировать «огромные потенциальные возможности семантических приращений» [Гальперин 2006: 24] в бесконечном многообразии контекстов потребления (т. е. в бесконечном многообразии реконтекстуализаций). Иными словами, прототипический текст — это действительно письменное произведение, имеющее четкое начало и конец, а прототипический дискурс — устная коммуникация.

---

[16] Ср.: «Неоднократно приводимое в научной литературе уподобление чтения произведения диалогу между автором и читателем заставляет нас рассматривать саму проблему текста с двух сторон — со стороны **запрограммированного сообщения**, в самом широком смысле слова, и со стороны **возможных толкований информации, заложенной в этом сообщении**. Отсюда — необходимость более тщательного исследования материальных средств сообщения, таящих в себе, как известно, **огромные потенциальные возможности семантических приращений** (выделено нами. — *Е. М.*)» [Гальперин 2006: 24].

[17] Ср.: «a bounded linguistic artifact» [Hanks 1989: 99].

[18] Ср.: «[t]he category of text arises with mediated interaction,» — и далее: «…the category of text is linked to the category of mediation» [Chouliaraki, Fairclough 1999: 45–46].

Медиаисследования и контекст «восприятия» текстов

В качестве еще одного направления, которое может рассматриваться как дополняющее «дискурсные» направления, описанные выше, можно рассматривать медиаисследования. Одной из ключевых (и на сегодняшний день уже тривиальных) идей, важных для «дискурсных» исследований языковых/речевых явлений[19], является идея того, что извлекаемый из сообщения смысл не предопределяется исключительно самим текстом, но зависит от «декодирования» смысла аудиторией. Одним из источников такой идеи как раз и видятся исследования медиа.

Призывом к изучению фактического **восприятия** аудиторией медиасообщений считается статья С. Холла [Hall 2019]. В данной статье Холл изложил «рудиментарную», по его словам, («this rudimentary paradigm» [Hall 2019: 261]) модель, в которой процесс кодирования сообщения (разворачивающийся в том, что мы называем контекстом производства) с рядом важных для него переменных и процесс декодирования сообщения (разворачивающийся в том, что мы называем контекстом потребления) со своими релевантными переменными рассматриваются как не менее важные источники смысла и эффекта, чем само сообщение.

Историческая важность статьи Холла заключается в том, что она послужила толчком к целому ряду эмпирических работ, вошедших в медиаисследования под зонтичным термином «исследование аудитории» или — иначе — «исследование восприятия». Такие исследования (см. обзор в работе: [Madianou 2008: 325–357]) подтвердили, что результирующий смысл (или «эффект») сообщения действительно во многом зависит от интерпретации сообщения реципиентом[20], а также позволили обозначить различные факторы (параметры контекста), могущие предопределить ту или иную интерпретацию [Madianou 2008: 327–328].

Потенциально релевантным для «дискурсных» исследований текстов является и введенное Холлом разграничение так называемых позиций восприятия. Как утверждает Холл, можно говорить как минимум о трех возможных позициях, которые занимает реципиент по отношению к тексту — воспринимает его в «доминантном коде» (dominant code), в «смешанном коде» (negotiated code) и в «оппозиционном коде» (oppositional code). Похожая идея в рамках лингвистических работ обсуждается Дж. Мартином и П. Уайтом [Martin, White 2005: 62], которые предлагают рассматривать три, так сказать, «режима» прочтения текста — тактическое прочтение (tactical reading), резистентное (resistant) и «уступчивое» (compliant). Под тактическим прочтением понимается прочтение текста для целей и задач, не предполагаемых самим текстом; изучение текста в рамках дискурс-аналитического проекта как раз укладывается в такой способ прочтения. Резистентное и «уступчивое» прочтения, как следует из названия, предполагают, соответственно, ту или иную форму несогласия с позицией, «натурализованной» текстом (naturalized by the co-selection of meanings in a text), или же ее безоговорочное принятие.

Заметим, что позиции по отношению к тексту, которые будет фактически занимать реципиент, конечно же, не будут укладываться в какую-либо простую и од-

---

[19] Включая, собственно, дискурс-анализ, где, как ни парадоксально, эта идея часто игнорируется.

[20] Ср.: «Attention to audience reception was a corrective to the tendency to read off meaning from media texts and to assume their effects on audiences» [Talbot 2007: 8].

нозначную типологию, вроде этой, но обсуждение хотя бы трех подобных возможных позиций (как по Холлу, так и по Мартину — Уайту) может быть важным шагом в сторону учета реального контекста потребления текстов.

Отражением описанных выше представлений в текстоориентированных и «дискурсных» исследованиях является иногда[21] обсуждаемая в таких исследованиях идея того, что смысл или некоторый комплексный «эффект» текста есть результат контекстуализации этого текста и — в частности — результат коммуникативного вклада самого реципиента.

Заметим, однако, что, рекомендуя внедрение данной идеи в большее количество «дискурсных» исследований, мы одновременно понимаем и то, что ее радикальная формулировка в виде постулирования потенциальной бесконечности интерпретаций текста (или чего-то подобного) может нивелировать суть таких исследований. Допущение, что текст накладывает ограничения на то, как его можно интерпретировать, являясь, как это было сформулировано ранее, «законсервированным» семантическим и прагматическим потенциалом, и может обнаруживать в себе отслеживаемые следы авторской интенциональности, остается важным допущением для обоснования валидности любого подхода работающего с анализом (и интерпретацией) текста/дискурса.

Текст в практике: примеры исследований

Важность обращения к практике использования текстов и — в частности — исследование использования текстов в контекстах коммуникативных событий с фокусом на практике производства и/или потребления текстов может быть проиллюстрирована рядом примеров. Два подобных примера уже были рассмотрены при обсуждении специфики операционализации контекста в рамках критического дискурс-анализа. Приведем здесь еще несколько примеров исследований, выполненных в иных традициях.

Одним из исследований, поднимающим вопрос операционализации контекста и иллюстрирующим важность этнографического подхода для интерпретации того, что мы бы назвали текстом, является работа [Cicourel 1987]. В ней автор демонстрирует, как для более или менее полной интерпретации диалога между тремя сотрудниками больницы требуется учитывать как минимум: историю коммуникации между тремя данными сотрудниками; историю коммуникации между ними и другими сотрудниками больницы; историю коммуникации между сотрудниками и обсуждаемыми ими пациентами; знания и опыт, полученные коммуникантами в рамках образовательной системы и системы здравоохранения данной страны; существующие нормы поведения и должностные обязанности коммуникантов; существующую социальную иерархию в отношениях между данными коммуникантами. Данная работа заостряет внимание на том, что даже для одного текста то, что могло бы быть релевантным контекстом его интерпретации, так сказать, «стремится в бесконечность», и на том, что, как отмечает сам Сисерел [Cicourel 1987: 226], долгом исследователя является представление обоснования тому, что было

[21] Исключением здесь, как было отмечено ранее, являются работы в области лингвистической антропологии и социолингвистики, всегда акцентирующие важность рецептивного аспекта.

включено, а что нет в **описание контекста изучаемого текста** в соответствии с заявленными целями и методологическими установками исследования.

Случай, иллюстрирующий важность операционализаци контекста, описывается также Я. Бломмартом, проводившим этнографическое исследование практики подачи прошений о политическом убежище и практики рассмотрения таких прошений бельгийскими миграционными службами. Среди прочего Бломмарт отмечает, что только широкий взгляд на практику и контекст позволяет понять, почему рассказы потенциальных беженцев оформлены в языковом плане так, как они оформлены. Ориентация же на существующие нормы (в том числе лингвистические) в принимающей стране и данной профессиональной практике рассмотрения прошений без учета **реального контекста производства** таких прошений[22] приводит к дискредитации нарративов беженцев и отказу в предоставлении политического убежища [Blommaert 2005: 58–66].

Еще один пример важности операционализации контекста потребления текстов может быть позаимствован из исследований мужских журналов. Изучение исключительно текстовой составляющей таких журналов может привести исследователя к выводу о том, что подобные ресурсы следует рассматривать как инструменты «навязывания» определенных убеждений и конструирования определенных форм маскулинности. Такие выводы, однако, могут быть как частично подтверждены, так и частично опровергнуты при выборе рецептивного аспекта «дискурсного» подхода или — иначе — путем изучения реальной **практики потребления таких текстов**. Так, например, авторы работы [Jackson et al. 1999] демонстрируют, что репрезентируемое или конструируемое в мужских журналах «видение мира» (более подробно разобранное в работе [Stevenson et al. 2000]) не обязательно «принимается на веру» и, так сказать, интегрируется в смысловую сферу целевой аудитории. Как отмечают авторы, изучение «меняющихся репрезентаций маскулинности» (путем дискурс-анализа) — это не то же самое, что изучение того, как такие меняющиеся формы «ощущаются и переживаются потребляющими эти формы субъектами» («how changing masculinities are *experienced* by men as consuming subjects» (курсив в источнике. — *Е. М.*) [Jackson et al. 1999: 353]). Изучение потребления и восприятия (методом фокус-групп) контента подобных журналов демонстрирует, что многие опрошенные воспринимают такой контент [Jackson et al. 1999: 358–364] в «оппозиционном коде» (см. выше).

Важным компонентом практики, в которой используются (создаются и потребляются) тексты, является используемая коммуникативная технология. Например, вполне очевидно, что возможность публикации отзыва на некоторый товар пользователем, который данный товар приобрел, обусловлена наличием специфической цифровой платформы и ее функционала. Однако более интересным является тот факт, что жанрообразующие характеристики жанра «отзыв» по крайней мере отчасти могут определяться аффордансами платформы, на которой публикуется экземпляр данного жанра, а также — что еще более примечательно — аффордансами, представленными для реализации этого жанра, но не обязательно на изучаемой платформе (на которой опубликован отзыв). Так, например, С. Скалики [Skalicky 2013] в исследовании жанровых особенностей отзывов о товарах на сайте «Ama-

[22] Т. е. рассмотрение прошений как деконтекстуализированных или «неправильно» реконтекстуализированных текстов.

zon» отмечает, что некоторые отзывы используют явно дифференцируемые коммуникативные ходы «достоинства» и «недостатки», несмотря на отсутствие этих аффордансов в самом поле для оформления отзыва на сайте «Amazon». В качестве объяснения такого положения вещей автор отмечает, что, скорее всего, это обусловлено наличием таких аффордансов на других ресурсах, что и отражается на формировании жанровых канонов, к которым апеллируют пользователи «Амазона» [Skalicky 2013: 90].

В этом же исследовании автор выявляет текстовые особенности, предопределяющие популярность некоторых отзывов в данном дискурсивном сообществе, операционализируя такой индикатор популярности, как количество полученных отзывом «лайков», что, как представляется, также является одним из вариантов исследования рецептивной стороны использования текстов в реальной практике (см. также: [Молодыченко 2022б]).

Заключение

Принципиальная важность контекста в анализе текста, постулированная Нефёдовым и многократно продемонстрированная в различных аспектах в работах ученого, подтверждается идеями и инструментами, предложенными в рамках различных научных подходов. Рассмотрение этих подходов также подчеркивает значимость междисциплинарности в исследовании текстовых и дискурсивных практик. Интеграция подходов и методов из разных областей знания и неминуемо результирующая необходимость оперирования «многомерными категориями и понятиями» [Нефёдов 2019: 13] позволяют более полно осмыслить и проанализировать сложные взаимодействия текста и контекста, выявляя при этом новые направления для дальнейших исследований.

Одним из наиболее важных тезисов, который может быть сформулирован на основании представленного обзора подходов, является утверждение, что взаимосвязь между текстом и его контекстом оказывается ключевым элементом в процессе конструирования смысла или эффекта данного текста для конкретных реципиентов. При этом контекст выступает не только как «фон» или условие для интерпретации текста, но и как активный «участник» коммуникативного процесса, формирующий дискурс и определяющий восприятие и интерпретацию этого текста.

Представленный обзор также подчеркивает необходимость продолжения и расширения междисциплинарных исследований в данной области, что позволит глубже понять динамику и сложность текстовых и дискурсивных процессов.

Справочная литература

Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. *Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

Тураева 1986 — Тураева З. Я. *Лингвистика текста (Текст: структура и семантика): учеб. пособие*. М.: Просвещение, 1986.

Литература

Гальперин 2006 — Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М.: КомКнига, 2006.

Квадратура смысла — *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса*: сб. ст. Серио П. (ред.). М.: Прогресс, 1999.

Молодыченко 2022а — Молодыченко Е. Н. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива. *Terra Linguistica*. 2022, 48 (2): 11–29.

Молодыченко 2022б — Молодыченко Е. Н. Метапрагматика в жанроведении: нужен ли нам новый аналитический инструмент в эру интернет-медиа? *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022, (75): 67–93.

Молодыченко, Чернявская 2022 — Молодыченко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (1): 103–124.

Нефёдов 2018а — Нефёдов С. Т. Дискурс: направления, школы, методология дискурсивного анализа. *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2018, (7): 11–34.

Нефёдов 2018б — Нефёдов С. Т. Жанровый прототип научной германистической рецензии. *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2018, (8): 105–122.

Нефёдов 2019 — Нефёдов С. Т. Диалогичность — интертекстуальность — интердискурсивность. *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2019, (9): 10–18.

Нефёдов, Кондратенко 2023 — Нефёдов С. Т., Кондратенко П. И. Оценка как инструмент профессиональной вежливости исследователя и эксперта. *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023, (13): 24–41.

Нефёдов, Чернявская 2020 — Нефёдов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020, (63): 83–97.

Чернявская 2009 — Чернявская В. Е. *Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсвность*. М.: Либроком, 2009.

Auer 1992 — Auer P. Introduction: John Gumperz' Approach to Contextualization. In: Auer P., Di Luzio A. (eds). *The Contextualization of Language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 1–37.

Bauman, Briggs 1990 — Bauman R., Briggs C. L. Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life. *Annual Review of Anthropology*. 1990, (19): 59–88.

Bhatia 2015 — Bhatia V. K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries. *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*. 2015, 27 (54): 9–20.

Blommaert 2005 — Blommaert J. Discourse: A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Chernyavskaya, Nefedov 2021 — Chernyavskaya V., Nefedov S. Zur Konstruktion der sozialen Indexikalität der Sprache: von „Kollektiv" zu „Team". Und via Coronavirus-Pandemie zurück? *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi.* 2021, (46): 1–21.

Chouliaraki, Fairclough 1999 — Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.

Cicourel 1987 — Cicourel A. V. The Interpenetration of Communicative Contexts: Examples from Medical Encounters. *Social Psychology Quarterl*. 1987, 50 (2): 217.

Coupland 2007 — Coupland N. *Style: Language Variation and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Devitt 2015 — Devitt A. J. Genre Performances: John Swales' Genre Analysis and Rhetorical-Linguistic Genre Studies. *Journal of English for Academic Purposes*. 2015, (19): 44–51.

Eckert 2012 — Eckert P. Three Waves of Variation Study: The Emergence of Meaning in the Study of Sociolinguistic Variation. *Annual Review of Anthropology*. 2012, 41 (1): 87–100.

Hall 2019 — Hall S. *Essential Essays*. Morley D. (ed.). Durham; London: Duke University Press, 2019.

Hanks 1989 — Hanks W. F. *Text and Textuality. Annual Review of Anthropology*. 1989, (18): 95–127.

Iedema 1997 — Iedema R. The Language of Administration: Organizing Human Activity in Formal Institutions. In: *Genre and Institutions: Social Processes in the Workplace and School*. Christie F., Martin J. R. (eds). London; New York: Continuum, 1997. P. 73–100.

Jackson et al. 1999 — Jackson P., Brooks K., Stevenson N. Making Sense of Men's Lifestyle Magazines. *Environment and Planning D: Society and Spac*e. 1999, 17 (3): 353–368.

Laclau, Mouffe 2001 — Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London; New York: Verso, 2001.
Madianou 2008 — Madianou M. Audience Reception and News in Everyday Life. In: Wahl-Jorgensenn K., Hanitzsch T. (eds). *The Handbook of Journalism Studies*. New York: Routledge, 2008. P. 325–357.
Martin, White 2005 — Martin J. R., White P. R. R. *The Language of Evaluation*. London: Palgrave Macmillan, 2005.
Moreno, Swales 2018 — Moreno A. I., Swales J. M. Strengthening Move Analysis Methodology Towards Bridging the Function-Form Gap. *English for Specific Purposes*. 2018, (50): 40–63.
Scollon, Scollon 2004 — Scollon R., Scollon S. W. *Nexus Analysis: Discourse and the Emerging Internet*. London; New York: Routledge, 2004.
Silverstein 1992 — Silverstein M. The Indeterminacy of Contextualization: When Is Enough Enough? In: *The Contextualization of Language Pragmatics*. Auer P., Di Luzio A. (eds). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 55–76.
Skalicky 2013 — Skalicky S. Was This Analysis Helpful? A Genre Analysis of the Amazon.com Discourse Community and Its "Most Helpful" Product Reviews. *Discourse, Context & Media*. 2013, 2 (2): 84–93.
Stevenson et al. 2000 — Stevenson N., Jackson P., Brooks K. The Politics of "New" Men's Lifestyle Magazines. *European Journal of Cultural Studies*. 2000, 3 (3): 366–385.
Swales 1993 — Swales J. M. Genre and Engagement. *Revue Belge de Philologie et D'histoire*. 1993, 71 (3): 687–698.
Swales, Rogers 1995 — Swales J. M., Rogers P. Discourse and the Projection of Corporate Culture: The Mission Statement. *Discourse & Society*. 1995, 6 (2): 223–242.
Talbot 2007 — Talbot M. M. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
Wodak 2001 — Wodak R. The Discourse-Historical Approach. In: *Methods of Critical Discourse Analysis*. Wodak R., Meyer M. (eds). London: Sage Publications Ltd., 2001. P. 63–94.
Wodak 2009 — Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan UK, 2009.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2024 г.
Статья рекомендована к печати 24 июня 2024 г.

Evgeni N. Molodychenko

HSE University,
16, ul. Soyuza Pechatnikov, St Petersburg, 190121, Russia
https://orcid.org/0000-0003-4852-6741
e.molodychenko@outlook.com

Discourse and its context: Principles of exploring language and speech phenomena as part of social and professional practices

For citation: Molodychenko E. N. Discourse and its context: Principles of exploring language and speech phenomena as part of social and professional practices. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (4): 901–918. https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.408 (In Russian)

This article explores the relationship between discourse and its context, as discussed across various research traditions. It focuses on the complexity and dynamic nature of this relationship, emphasizing the importance of context not only in discourse production but also, and more significantly, in its perception and interpretation by real communicators. One key method of operationalizing context in linguistic and speech phenomena studies involves viewing discourse as a component within practices, where it can serve as a means of enacting the practice or reflecting on the practice itself or a different practice entirely. The paper discusses and compares a variety of theoretical and analytical traditions that examine the actual use of lan-

guage and speech by communicators, including critical discourse analysis, genre studies, linguistic anthropology, and media studies. This review distinguishes between at least two types of practices — general "social practices" and more specific professional practices — as well as between two types of contexts: the situational and the cultural, noting that some practices may straddle both contexts. Moreover, the review highlights the importance of an interdisciplinary approach to studying linguistic and speech phenomena in context. A conclusion drawn from the review is that context is not, as it were, merely a passive "backdrop" for discourse but actively shapes its meaning and its effect. This concept is traditionally explored in relation to the notion of contextualization. The conclusion calls for further interdisciplinary research to deepen understanding of the complex processes associated with discourse and its contextual embeddedness.

Keywords: text, discourse, context, contextualization, discourse analysis.

References

Гальперин 2006 — Galperin I. R. Text as an Object of Linguistic Research. Moscow: KomKniga Publ., 2006. (In Russian)

Квадратура смысла — *Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis*. Seriot P. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1999. (In Russian)

Молодыченко 2022а — Molodychenko E. N. Identity, style, and styling: a sociolinguistic perspective. *Terra Linguistica*. 2022, 13 (2): 11–29. (In Russian)

Молодыченко 2022б — Molodychenko E. N. Integrating metapragmatics into genre analysis: Does the analytical toolkit need an upgrade in the digital era? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*. 2022, (75): 67–93. (In Russian)

Молодыченко, Чернявская 2022 — Molodychenko E. N., Cherniavskaia V. E. Representing the Social through Language: Theory and Practice of Sociolinguistics and Discourse Analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature.* 2022, 19 (1): 103–124. (In Russian)

Нефёдов 2018а — Nefedov S. T. Discourse: branches, schools, discourse analysis methodology. *German Philology in St. Petersburg State University*. 2018, (7): 11–34. (In Russian)

Нефёдов 2018б — Nefedov S. T. Genre prototype of the scientific review on Germanistics. *German Philology in St. Petersburg State University*. 2018, (8): 105–122. (In Russian)

Нефёдов 2019 — Nefedov S. T. Dialogue — Intertext — Interdiscourse. *German Philology in St. Petersburg State University*. 2019, (9): 10–18. (In Russian)

Нефёдов, Кондратенко 2023 — Nefedov S. T., Kondratenko P. I. Evaluation as a tool of professional politeness of researchers and experts. *German Philology in St. Petersburg State University*. 2023: (13): 24–41. (In Russian)

Нефёдов, Чернявская 2020 — Nefedov S. T., Cherniavskia V. E. Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*. 2020, (63): 83–97. (In Russian)

Чернявская 2009 — Cherniavskaia V. E. *Text Linguistics: Multimodality, Intertextuality, Interdiscursivity*. Moscow: Librocom Publ., 2009. (In Russian)

Auer 1992 — Auer P. Introduction: John Gumperz' Approach to Contextualization. In: Auer P., Di Luzio A. (eds). *The Contextualization of Language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 1–37.

Bauman, Briggs 1990 — Bauman R., Briggs C. L. Poetics and Performance as Critical Perspectives on Language and Social Life. *Annual Review of Anthropology*. 1990, (19): 59–88.

Bhatia 2015 — Bhatia V. K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries. *HERMES-Journal of Language and Communication in Business*. 2015, 27 (54): 9–20.

Blommaert 2005 — Blommaert J. Discourse: A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Chernyavskaya, Nefedov 2021 — Chernyavskaya V., Nefedov S. Zur Konstruktion der sozialen Indexikalität der Sprache: von „Kollektiv" zu „Team". Und via Coronavirus-Pandemie zurück? *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi.* 2021, (46): 1–21.

Chouliaraki, Fairclough 1999 — Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.
Cicourel 1987 — Cicourel A. V. The Interpenetration of Communicative Contexts: Examples from Medical Encounters. *Social Psychology Quarterl*. 1987, 50 (2): 217.
Coupland 2007 — Coupland N. *Style: Language Variation and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
Devitt 2015 — Devitt A. J. Genre Performances: John Swales' Genre Analysis and Rhetorical-Linguistic Genre Studies. *Journal of English for Academic Purposes*. 2015, (19): 44–51.
Eckert 2012 — Eckert P. Three Waves of Variation Study: The Emergence of Meaning in the Study of Sociolinguistic Variation. *Annual Review of Anthropology*. 2012, 41 (1): 87–100.
Hall 2019 — Hall S. *Essential Essays*. Morley D. (ed.). Durham; London: Duke University Press, 2019.
Hanks 1989 — Hanks W. F. *Text and Textuality. Annual Review of Anthropology*. 1989, (18): 95–127.
Iedema 1997 — Iedema R. The Language of Administration: Organizing Human Activity in Formal Institutions. In: *Genre and Institutions: Social Processes in the Workplace and School*. Christie F., Martin J. R. (eds). London; New York: Continuum, 1997. P. 73–100.
Jackson et al. 1999 — Jackson P., Brooks K., Stevenson N. Making Sense of Men's Lifestyle Magazines. *Environment and Planning D: Society and Spac*e. 1999, 17 (3): 353–368.
Laclau, Mouffe 2001 — Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London; New York: Verso, 2001.
Madianou 2008 — Madianou M. Audience Reception and News in Everyday Life. In: Wahl-Jorgensenn K., Hanitzsch T. (eds). *The Handbook of Journalism Studies*. New York: Routledge, 2008. P. 325–357.
Martin, White 2005 — Martin J. R., White P. R. R. *The Language of Evaluation*. London: Palgrave Macmillan, 2005.
Moreno, Swales 2018 — Moreno A. I., Swales J. M. Strengthening Move Analysis Methodology Towards Bridging the Function-Form Gap. *English for Specific Purposes*. 2018, (50): 40–63.
Scollon, Scollon 2004 — Scollon R., Scollon S. W. *Nexus Analysis: Discourse and the Emerging Internet*. London; New York: Routledge, 2004.
Silverstein 1992 — Silverstein M. The Indeterminacy of Contextualization: When Is Enough Enough? In: *The Contextualization of Language Pragmatics*. Auer P., Di Luzio A. (eds). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 55–76.
Skalicky 2013 — Skalicky S. Was This Analysis Helpful? A Genre Analysis of the Amazon.com Discourse Community and Its "Most Helpful" Product Reviews. *Discourse, Context & Media*. 2013, 2 (2): 84–93.
Stevenson et al. 2000 — Stevenson N., Jackson P., Brooks K. The Politics of "New" Men's Lifestyle Magazines. *European Journal of Cultural Studies*. 2000, 3 (3): 366–385.
Swales 1993 — Swales J. M. Genre and Engagement. *Revue Belge de Philologie et D'histoire*. 1993, 71 (3): 687–698.
Swales, Rogers 1995 — Swales J. M., Rogers P. Discourse and the Projection of Corporate Culture: The Mission Statement. *Discourse & Society.* 1995, 6 (2): 223–242.
Talbot 2007 — Talbot M. M. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
Wodak 2001 — Wodak R. The Discourse-Historical Approach. In: *Methods of Critical Discourse Analysis.* Wodak R., Meyer M. (eds). London: Sage Publications Ltd., 2001. P. 63–94.
Wodak 2009 — Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Houndmills: Palgrave Macmillan UK, 2009.

Received: March 15, 2024
Accepted: June 24, 2024